

личности. У Толстого Богъ не существо, а законъ, разлитое во всемъ божественное начало. Для него такъ же не существуетъ личнаго Бога, какъ не существуетъ личнаго безсмертія. Его пантеистическое сознаніе не допускаетъ существованія двухъ міровъ—міра природнаго,—имманентнаго и міра божественнаго,—трансцендентнаго. Такое пантеистическое сознаніе предполагаетъ, что добро, т. е. божественный законъ жизни, осуществляется природно-имманентнымъ путемъ, безъ благодати, безъ вхожденія трансцендентнаго въ этотъ міръ. Толстовскій пантеизмъ смѣшиваетъ Бога съ душой міра. Но пантеизмъ его не выдержанъ и временами приобрѣтаетъ привкусъ деизма. Вѣдь Богъ, Который даетъ законъ жизни, заповѣдь и не даетъ благодати, помощи, есть мертвый Богъ деизма. У Толстого было могучее богочувствованіе, но слабое богосознаніе, онъ стихійно пребываетъ въ Отчей Упостаси, но безъ Логоса. Подобно тому, какъ Л. Толстой вѣритъ въ благость естественнаго состоянія и въ осуществимость добра силами природными, въ которыхъ дѣйствуетъ сама божественная воля, онъ вѣритъ и въ непогрѣшимость, безошибочность естественнаго разума. Онъ не видитъ паденія разума. Разумъ для него безгрѣшенъ. Онъ не знаетъ, что есть разумъ, отпавшій отъ Разума Божественнаго, и есть разумъ, соединенный съ Разумомъ Божественнымъ. Толстой держится за наивный, естественный раціонализмъ. Онъ всегда апеллируетъ къ разуму, къ разсудочному началу, а не къ волѣ, не къ свободѣ. Въ раціонализмѣ Толстого, временами очень грубомъ, сказывается все та же вѣра въ благостное естественное состояніе, въ доброту природы и природнаго. Толстовскій раціонализмъ и натурализмъ не въ силахъ объяснить уклоненія отъ разумнаго и естественнаго состоянія, а вѣдь уклоненіями этими наполнена человѣческая жизнь, и они рождаютъ то зло и ту ложь жизни, которыя такъ могущественно бичуетъ Толстой. Почему человѣчество отпало отъ добраго естественнаго состоянія и разумнаго закона жизни, царившаго въ этомъ состояніи? Значитъ было какое-то отпаденіе, грѣхопаденіе? Толстой скажетъ: все зло оттого, что люди ходятъ во тьмѣ, не знаютъ божественнаго закона жизни. Но откуда эта тьма и незнаніе? Мы неизбежно приходимъ къ ирраціональности зла какъ предѣльной тайнѣ,—тайнѣ свободы. Въ толстовскомъ міроощущеніи есть что-то общее съ міроощущеніемъ Розанова, тоже невѣдающаго зла, невидящаго лика, тоже